

За Рубежом

№ 34 (1747) • 1994 г.

14

«БУНТЕ», МЮНХЕН.

ЛЮБОЙ житель нашей планеты, у которого есть телевизор, хоть раз видел и слышал их. 47-летний Хосе Каррерас, 58-летний Лучано Паваротти, 53-летний Пласидо Доминго — два испанца и один итальянец... Никогда еще в истории одновременно не сходились на музыкальном Олимпе сразу три тенора такого класса. А каковы они в жизни? «Бунте» публикует лучшие пассажи из интервью, которые в разное время давали три великих тенора.

Пение — это работа?

Паваротти: Нет. Я просто использую замечательный, восхитительный инструмент, данный мне Богом. Я всегда пою — в том числе и дома, для семьи.

Доминго: Что за вопрос! Конечно, работа, да еще какая напряженная! Попробуйте простоять на сцене четыре часа кряду. Но если я доволен исполненной арией, я чувствую себя близким к небесам.

Каррерас: Длина моих голосовых связок — всего 20 или 25 сантиметров, а число их вибраций в секунду приближается к тысяче. Можете себе представить, что происходит в моей голове, когда я беру каждую ноту? Покидая сцену после спектакля, где у меня была большая роль, я чувствую себя, словно утопленник, которого чуть живого вытащили из воды.

Вы поете у себя в ванной?

Паваротти: Да, я обожаю петь в ванной.

Доминго: Разве это делает не каждый человек? В ванной комнате голос всегда так хорошо звучит...

Каррерас: Нет, но зато люблю петь в машине. Ставлю кассету в магнитофон и пою себе в ее сопровождении.

Вам нравятся ваши коллеги — знаменитые теноры?

Паваротти (о пластинке Доминго): Это фестиваль дурного вкуса, как и многое другое, что делает Пласидо.

Доминго (о Паваротти): Этот итальянец ревнив. Он не может вынести, что я моложе.

Каррерас (о Паваротти): Он всегда ведет себя так, будто пел на сцене один. Для Лучано все остальные лишь статисты. (О Паваротти и Доминго, которым под 60): Идеальный возраст тенора — от 45 до 50 лет.

Знаете ли вы, как велико ваше богатство?

Паваротти (получает до 100 тысяч марок за спектакль, зарабатывает около 2,7 миллиона в год): Нет, но у меня есть дома в Модене, Монте-Карло и Нью-Йорке. Еще — 20 лошадей. Но 60 процентов того, что я зарабатываю, у меня отбирает налоговое управление, да еще, подумайте об этом, я отец трех дочерей! Нет, я не считаю себя действительно богатым, но мне хватило бы средств, чтобы больше никогда не работать. Между прочим, у меня никогда нет денег при себе. Если бы моя жена всюду меня не сопровождала, я умер бы с голоду или вынужден был бы жить в кредит. Или спеть быстренько какую-нибудь арию и пройтись с шапкой...

Доминго (получает минимум 50 тысяч марок за спектакль, зарабатывает 3,6 миллиона в год): Нет, но ведь

деньги не так уж и важны. Я обязан петь, чтобы передать другим тот подарок, которым наградила меня Господь, вложив голос в мое горло. Однако я счастлив, что люди так ценят меня, что готовы платить немалые деньги.

Каррерас (получает минимум 30 тысяч марок за вечер): Нет, я не назвал бы себя богатым человеком. Больше, чем сейчас, я зарабатывать просто не могу, потому что я должен беречь себя, и редко даю более 50 концертов в год.

Стали бы вы петь и без гонорара?

Паваротти: Я часто пою без гонорара — дома. Люблю себя слушать. А вот жена говорит: «Лучано, если хочешь петь, иди

в Оперу!» Но если серьезно — я охотнее пою за приличное вознаграждение, получив которое, отдаю некоторую сумму на благотворительные цели.

Доминго: Если речь идет о благотворительности — всегда готов. Например, я помогал жертвам землетрясения в Мехико. В этом городе прошла моя юность...

Каррерас: Если в год я даю 50 концертов, то 12 из них не приносят мне

Паваротти с женой Адуй и дочерьми Лоренцей, Тиной, Джулианой.

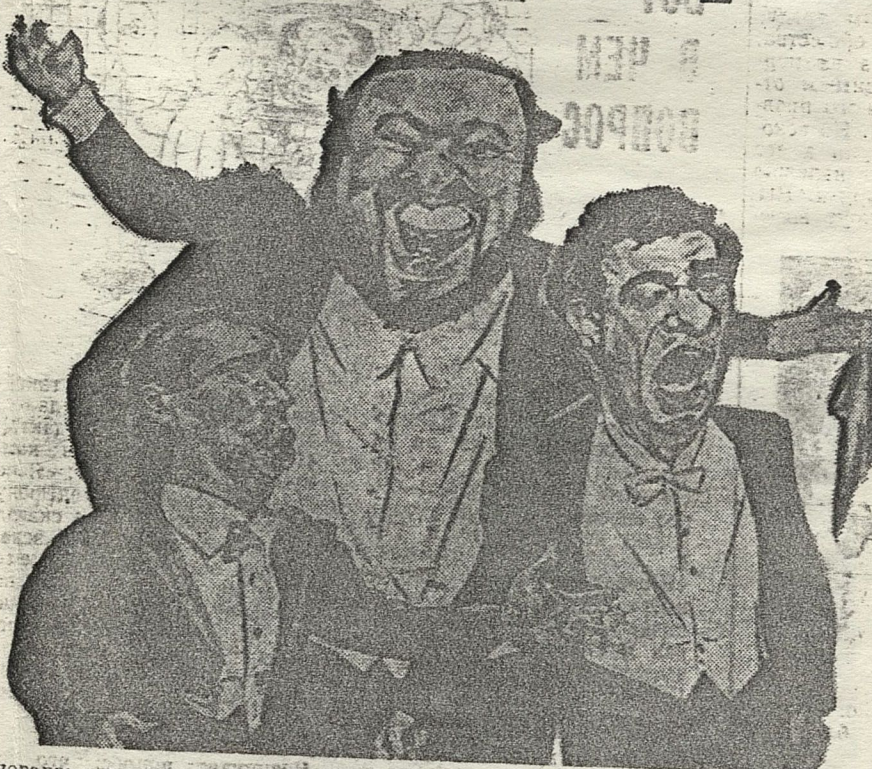
За Рубежом

№ 34 (1747) • 1994 г.

15

За рублежом — 1994. — 26 авг. — 1 сент. (№ 34) — с. 14-15.

Три тенора

гонорара: я все перечисляю в созданный мной фонд борьбы против лейкемии.

Когда вы поете любовные арии, думаете ли вы о своей жене? Или о женщинах из публики?

Паваротти: Мысленно я обращаюсь к жене. Ее зовут Адуйа. Я обязан ей всем. В свое время она уговорила меня оставить работу учителя и стать певцом. Поначалу это было трудно для нас обоих, но она мужественно прошла через все испытания.

Доминго: На концерте я нишу одну или несколько дам в первом ряду и посвящаю им свои арии. Моя жена Марта знает об этом и считает, что я проявляю вежливость.

Каррерас: Я думаю только о том, как добиться максимального совершенства в исполнении. Остальное происходит само собой.

Музыкальны ли ваши дети?

Паваротти: Мои дочки — самые суровые мои критики. Но о музыке они имеют меньше понятия, чем о том, как должен выглядеть мужчина. Они счи-

тают, что я слишком толст. Говорят мне это даже после того, как я завершаю драконовскую диету.

Доминго: Очень музыкальны, сын даже композитор, пишет прекрасную музыку, от классического стиля до «попсы». Чтобы порадовать его, пою иногда его песни.

Каррерас: Думаю, да, но мой голос они не унаследовали.

Как вы реагируете, когда вас осыпают?

Паваротти: Не повезло, говорю я себе, какую-то ты допустил ошибку, нужно поработать над собой. Чувство неприятное, могу вам сказать.

Доминго: Со мной, слава Богу, такого еще никогда не случилось.

Доминго со второй женой Мартой.

Каррерас: Со мной такого не бывает!

Говорят, что теноры тщеславны и у каждого есть свои капризы. Это как?

Паваротти: Я, например, никогда не выступаю без своего пестрого платка и кривого гвоздя в кармане. Но не из каприза, а из суеверия.

Доминго: Думаю, каждый из нас очень тщеславен. Но капризы? Да разве это не нормально, когда перед выступлением я на два часа «выключаюсь» и прихожу в бешенство, если кто-то пытается со мной заговорить?

Каррерас: У меня есть секретарь Фриц, без которого я никуда не езжу. Он следит за тем, чтобы моя машина внутри была прогрета до 19 градусов.

Какие еще у меня есть чудачества?

Я требую, чтобы мне к модельным туфлям припиливали толстые подошвы, чтобы лучше стоять на сцене. Ах да, обожаю ездить со скоростью 200 километров в час и слушать Синатру.

Не бонтесь когда-нибудь проснуться — а голос пропал?

Паваротти: Не боюсь. Тогда займусь чем-нибудь другим. Буду преподавать. Мне кажется, я очень одаренный учитель пения.

Доминго: Об этом вообще нельзя думать! Но я на всякий случай принял меры и уже сегодня поставил свою карьеру на несколько пар ног — как пианист, дирижер, менеджер ряда оперных театров. Я не беспокоюсь за свое будущее.

Каррерас: Однажды я сильно болел и вынужден был временно оставить пение. Но тогда я думал только: «Господи, оставь мне жизнь!» О голосе и не вспоминал...

Кому вы больше всех обязаны своими успехами?

Паваротти: Отцу, жене и моей коллеге Мирелле Френи, которая с самого начала верила в меня и помогала мне.

Доминго: Родителям и моей коллеге, певце Монтсеррат Кабалье, которая помогла мне прорваться в «большую оперу», добыв мне роль в спектакле, где участвовала сама.

Каррерас: Моей жене. Правда, мы уже не вместе, но остались добрыми друзьями. Когда я болел, она так ухаживала за мной, без нее я бы не выжил.

Почему женщины любят теноров?

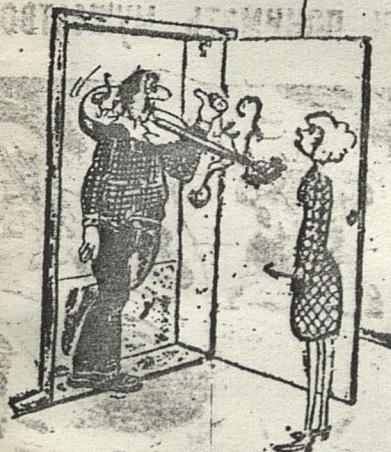
Каррерас с подружкой Петрой.

Паваротти: Наверное, дело в голосе, в определенном тембре, и еще в той музыке, которую мы исполняем. Но вот можно ли представить себе меня в роли пылкого любовника? Сомневаюсь.

Доминго: Не знаю. Я считаю это просто легендой, которую сочинили менее талантливые теноры. Но если женщины действительно любят теноров — что ж, меня это вполне устраивает.

Каррерас: Тенора получают самые выигрышные роли, всегда играют положительных героев. Композиторы именно для них написали лучшие арии. И потом, вы когда-нибудь видели уродливого тенора? Я — нет.

С УЛЫБКОЙ

— Дорогая, все вышло, как ты хотела. Господи Вондрашек еще долго не будет играть на гитаре.